

На горную долину внезапно опустился туман. Белесая пелена окутала леса, поглотив последние отблески света и накрыв лица людей тревожной тенью.

К Сы Хунчэ вновь подошел подчиненный с докладом:

— Начальник Сы, представители гильдий «Глаз Демона» и «Высокая Башня» один за другим обрывают линии штаб-квартиры «Синего Центра», требуя объяснений. Гильдия «Трезубец» тоже... кхм. Может быть, нам стоит включить прямую трансляцию? Это успокоит их, и они перестанут мешать работе...

Офицер медленно поднял веки. Его ледяной, тяжелый взгляд остановился на следователе, стоящем за стеклом автомобиля. Он ничего не ответил. Прошло несколько секунд. Видя, что подчиненный всё еще ждет одобрения с видом человека, предложившего гениальную идею, Хунчэ окончательно потерял терпение.

Он лишь слегка шевельнул указательным пальцем. В ту же секунду следователь, словно схваченный за горло невидимой рукой, захрипел. Он беспомощно раскрыл рот, вывалив язык; из его глотки вырывались нечленораздельные звуки, а лицо исказилось от ужаса и запоздалого раскаяния.

Сы Хунчэ безучастно наблюдал за тем, как ноги несчастного перестают биться в конвульсиях, а кожа приобретает багрово-синюшный оттенок. Лишь когда тот был на грани смерти, Хунчэ небрежно опустил палец.

С глухим стуком следователь рухнул на землю, судорожно хватаясь за горло и заходясь в кашле. Не смея задерживаться ни секунды, он, едва дыша, прохрипел нечто невнятное и в панике уполз прочь.

Сы Хунчэ больше не достаивал лицу вниманием. Он перевел взгляд на Оливера, сузив глаза и принимаясь внимательно его изучать.

Кончики пальцев юноши всё еще излучали мягкое золотистое сияние. Из-за долгого использования способностей его светлые волосы намокли от пота, и тяжелые капли стекали по костлявой шее под воротник. Несмотря на то что он был полностью сосредоточен на поддержании связи, под пристальным взглядом Сы Хунчэ Оливер невольно вздрогнул.

Начальник района мастерски скрывал свои эмоции. Оливер слишком часто видел, как этот человек улыбается за секунду до того, как совершить убийство, и сейчас он не мог понять, что означает этот изучающий взгляд. От греха подальше он поспешно отвел глаза.

Сы Хунчэ коротко и холодно усмехнулся. Внезапно он протянул руку и властно сжал тонкую

шею Оливера сзади. Его ладонь, огрубевшая от постоянного контакта с рукоятью оружия, накрыла чувствительную железу юноши. В следующую секунду он активировал свою информационную эссенцию, бесцеремонно вторгаясь в систему духовного пространства подопечного.

При высокой совместимости эссенций иммунная система организма дает сбой: она ошибочно принимает чужеродное вторжение за «свое» и открывает доступ к самым сокровенным глубинам сознания.

Оливер дернулся вперед, его лицо исказилось от боли. Но из-за того, что его тело предательски приняло Сы Хунчэ за близкого человека, он не смог выставить ментальный барьер. Сознание Хунчэ мгновенно слилось с системой Оливера, и теперь он видел всё, что происходило в подземелье, глазами своего проводника.

Бесчисленные когти на крыльях Золотой гу-совы с человеческим лицом примарно зашевелились, напоминая тысячи голодных пастей, жаждущих плоти. Чудовище с резким криком бросилось на Чжань Пинчуаня. Скорость его атаки была за пределами человеческих возможностей — в мгновение ока оно оказалось прямо перед ним.

Юноша не успел даже стереть усмешку с лица, как плотоядные отростки на крыльях монстра жадно метнулись вперед. Тонкие кровеносные сосуды и фасции вытягивались из конечностей твари, словно извивающиеся щупальца; опутанные нервными волокнами, они удлиннились более чем на метр, полностью отрезая путь к отступлению.

В этот миг Чжань Пинчуань наконец осознал, как те студенты погибли за считанные секунды. Окровавленные крылья Гу-совы походили на жуткий, уродливый цветок, который внезапно распустил свои ядовитые лепестки. Каждый «лепесток» был хищным когтем, способным в мгновение ока выпотрошить десятки людей. Вся добытая плоть и кровь служили лишь пищей для этой птичьей головы с человеческим лицом.

Когда лавина когтей обрушилась на него, выражение лица Пинчуаня резко изменилось. Он вскинул руку, готовясь щелкнуть пальцами...

Грохот!

В стене коридора прямо за его спиной образовалась зияющая дыра в форме человеческого силуэта. Поднялось облако пыли, во все стороны полетели обломки камней. Земля содрогнулась, а затаившиеся в тени налётчики с визгом бросились врассыпную, скрываясь в глубине пещер.

А силуэт Чжань Пинчуаня просто растворился в воздухе.

Чудовище втянуло когти обратно. В его желтых глазах, уставившихся на пустое место, промелькнуло явное недоумение. В этот момент за спиной птицы раздался насмешливый и ленивый голос:

— Эй, эй, глупая птица. Неужели у вас, элитных монстров, совсем туго с образованием? Это называется преломление света. Слыхала о таком? Твои глаза тебя обманывают, дорогуша.

Используя свет масляных ламп в коридоре, Чжань Пинчуань незаметно скорректировал плотность своего барьера, увеличив коэффициент преломления до максимума. Когда свет падал на преграду, лучи отклонялись под огромным углом, создавая перед глазами монстра идеальную оптическую иллюзию.

Золотая гу-сова не собиралась слушать его болтовню. Она яростно встряхнула крыльями, скрежеща когтями по каменным стенам, и резко развернулась. Острый, массивный клюв вонзился в то место, откуда доносился голос.

Бум!

Пещера снова содрогнулась. Тварь выдернула голову из кучи щебня, но юноши там не оказалось. На месте удара валялась лишь сплюснутая пустая жестянка.

На этот раз издевательский голос раздался прямо над головой монстра:

— Опять мимо! Эта штука называется бумажный стаканчик... ой, то есть жестяной телефон. Ты хоть что-нибудь смыслишь в передаче звуковых волн через твердые тела?

Видимо, какая-то группа старателей оставила после себя кучу пустых банок. Пинчуань соорудил из них и своих серебряных нитей несколько простейших «телефонов». Кто бы мог подумать, что ирония судьбы превратит его в настоящего сборщика утиля.

Гу-сова снова издала яростный рев и одним ударом пробил дыру в своде пещеры. Результат был предсказуем: сверху на нее упала еще одна пустая банка. Не успела тварь прийти в себя от замешательства, как вокруг нее внезапно возникло пять абсолютно одинаковых Чжань Пинчуаней.

Все они стояли невредимыми, глядя на нее с сочувствием.

— Говорят же: учи физику и химию — не пропадешь. Видимо, ты уроки прогуливала, приятель.

Монстр не мог понять, из какого именно силуэта исходит звук. Впрочем, птице это было и не нужно. Когти вспороли воздух, метнувшись сразу ко всем целям! Но фигуры Пинчуаня лишь колыхнулись и снова исчезли, оставив чудовище ни с чем.

— А это уже отражение, тупая птица! Как ты вообще стала боссом с такими познаниями? Прямо стыдно за твой вид. Что коллеги скажут? Как ты после этого в глаза другим монстрам смотреть будешь? Давай так: ты мне симпатична, поэтому просто отпусти меня, а я тебе потом занесу пару учебников для самообразования. Как идея?

Стоило ему договорить, как жестяная банка, из которой шел звук, была разорвана в клочья.

Укрывшись за очередным барьером, Чжань Пинчуань бросил быстрый взгляд в сторону ворот. Он тянул время достаточно долго — этого должно было хватить, чтобы студенты успели спастись. Если вычесть тех, кого затоптали в панике или успел убить монстр, цифра «363» должна была сойтись. Теперь главной задачей было выбраться самому.

— Тц, не нравится — можем обсудить условия. Чего так кипятиться? Кстати, ты вообще какого пола? У вашего брата бывает гиперплазия желез от лишнего стресса?

Пинчуань продолжал создавать иллюзии, опираясь на свет оставшихся ламп. Но по мере того как разъяренная тварь крушила всё вокруг, ламп становилось меньше, а пол покрывался слоем битого камня. Стоило ему сдвинуться с места, как хруст под ногами выдал бы его с головой.

Юноша с силой прижал ладонь к груди, подавляя очередной приступ кровавого кашля. Атаки Гу-совы были слишком стремительными; иногда он не успевал вовремя убрать барьеры, и удары косвенно отдавались в его теле. Он чувствовал, что мозг перешел в режим экстренной анестезии: адреналин зашкаливал, отключая боль. Но Пинчуань понимал — это состояние означает, что его раны критические.

«Редкий случай, когда я дал честное слово... Не хотелось бы облажаться»

У железных врат Ланс, плотнее закутавшись в чужую куртку, стоял неподвижно. Его счет замер на отметке «361». Со стороны коридоров больше никто не шел.

Скудный свет масляных ламп отбрасывал дрожащие тени на его лицо. Выражение его глаз было нечитаемым; сам Ланс казался изваянием, застывшим в ледяном безмолвии. Разум твердил ему, что Чжань Пинчуань, скорее всего, мертв и пора входить в дверь.

Но он не мог заставить себя сделать ни шагу.

В нескольких метрах от него лежало тело студента, погибшего под ногами толпы. Из его ушей и носа текла кровь, а подобравшиеся налётчики уже начали свой пир. Те, кто погибал в этой временной линии, заканчивали именно так — становясь кормом для монстров.

Ланс смотрел на это, и вдруг мир перед его глазами немного расплылся. Он нахмурился,

почувствовав, как по щеке пробежало нечто горячее, тут же сменившееся холодом. В недоумении он коснулся своего лица. Пальцы стали влажными. Ветер тут же осушил кожу, оставив после себя отчетливое ощущение прохлады.

Ланс смотрел на свою ладонь. Ему хотелось рассмеяться, но он не мог; хотелось закричать от ярости, но он не знал, на кого ее излить. Это было абсурдно. Он знал Чжань Пинчуаня всего неделю. Они познакомились лишь из-за нелепой случайности в ходе задания.

И теперь он оплакивал его смерть.

«Он не умер на самом деле. Чжань Пинчуань не может умереть!»

Ланс до боли стиснул зубы. Будь то откат времени или любая другая чертовщина, стоило ему переступить порог железной двери, как Пинчуань снова окажется перед ним. Тот, кто погибал сейчас в его глазах, существовал лишь в этом мгновении. Ланс презирал эту внезапную слабость и еще больше — самого себя за то, что позволил ей проявиться.

Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, мышцы предплечий мелко подрагивали от напряжения. Аромат звездной магнолии, его информационная эссенция, начал бесконтрольно вырываться наружу, заполняя ограниченное пространство вокруг.

«Черт. Черт возьми!»

Взгляд Ланса стал ледяным. Почти на грани безумия, игнорируя все опасности подземелья, он вошел в свою систему духовного пространства. Широким шагом он пересек пространство хаоса и пустоты, разрывая пугающие иллюзии, и в бесконечной тьме отыскал дремлющую тень.

Внешний бог сейчас не походил на тот образ, который запечатлел Ланс. У него не было белоснежного тела, гривы с серебристым сиянием, оленьих рогов или нимба. Божество было самой сутью неопишуемого хаоса, способным принимать любую форму. Лишь выбрав роль «проводника», Ланс дал человечеству возможность мельком увидеть его облик.

Бог пребывал в вечном сне. События Вселенной были для него мимолетными искрами, не более того. Немногое могло заинтересовать его, но он уже дважды сталкивался с обманом. Боги не ведают человеческого гнева; ответом на дерзость Ланса стало лишь ледяное безразличие к «проводнику», посмевавшему вести свою игру.

Ланс буквально вырвал клочок тьмы из небытия, скатал его в шар и с силой швырнул туда, где должны были находиться глаза Внешнего бога. Тьма нахлынула волной, и в самом центре хаоса медленно открылись огромные темно-синие глаза. Этот взгляд, способный заморозить саму душу, уставился на Ланса, как великий правитель смотрит на взбунтовавшееся насекомое.

Ланс с детства ненавидел этот взгляд. Его тело непроизвольно дрожало, но сознание

оставалось непоколебимым.

— Я видел ту уродливую курицу, которую ты создал в своем сне, — холодно и насмешливо бросил Ланс.

Внешний бог недоуменно отозвался:

«Гва?»

Накопившаяся ярость Ланса наконец нашла выход. Глядя в эти бездонные глаза, он презрительно усмехнулся:

— Ты так старательно вылепил себя: нимб, священные символы... А твое порождение — кусок дерьма. Думал, я впечатлюсь? Пха!

Око дикого бога способно видеть сквозь любую ложь и притворство. Поэтому божество мгновенно поняло: этот слабый человек не пытается скрыть восхищение за дерзостью.

Ему. Действительно. Было. Уродливо.

«Stultus hominum ignorantia!» (Глупое невежество людей)

«Ingens offenderet!» (Великое оскорбление)

«Et eventually reddere pretium!» (И в конечном итоге заплатит цену)

Ланс почувствовал знакомую ноющую боль в железе. Информационная эссенция хлынула наружу безудержным потоком, а его сознание словно попало под пресс невидимых рук. В глазах потемнело, к горлу подкатила тошнота. Но вместе с этим он ощутил странное, почти экзотическое удовлетворение от собственной дерзости. Казалось, эта вспышка смогла хоть немного притупить боль и горечь в его груди.

Сознание Чжань Пинчуаня, уже начавшее угасать, внезапно прояснилось! Среди запаха крови и гнили он уловил знакомый аромат звездной магнолии. Феромоны доносили до него целую гамму чувств: скорбь, тревогу, ярость и отчаянную мольбу об утешении. Такой мощный выброс эссенции был за пределами человеческих возможностей.

Для Омеги это состояние было смертельно опасным. Неконтролируемый выброс мог в считанные минуты истощить железу, и если повреждения станут необратимыми, человек

навсегда лишится способностей, превратившись в обычного обывателя.

«Ланс!»

Это были его феромоны. Нет, он должен вернуться!

Пинчуань сглотнул кровь. Грудная клетка отозвалась тупой болью, будто по ней проехался грузовик. Собрав остатки воли, он уперся руками в землю и лишь с третьей попытки смог встать на ноги. От потери крови кружилась голова. Золотая гу-сова продолжала крушить коридор, разбивая последние лампы. Теперь юноша не мог использовать свои оптические трюки.

Как пройти мимо монстра, не издав ни звука? Чжань Пинчуань заставил свои измотанные клетки мозга работать на пределе. В этот момент его взгляд упал на тело студента, облепленное налётчиками. В коридоре стало почти совсем темно... Пинчуань почувствовал азарт. Оставался только один шанс.

Собрав последние силы, он создал из барьера небольшой квадратный контейнер и спрятался в нем, а затем выпустил едва заметную серебряную нить. Пока птица была отвлечена, нить обвила конечности трупа. Пинчуань перебросил леску через острый выступ на своде пещеры и резко дернул. Безжизненное тело внезапно «вскочило» на ноги.

«Черт, — Пинчуань мысленно проворчал, — тяжелый попался»

Налётчики, только что мирно трапезничавшие, в ужасе отпрянули от ожившего мертвеца. Они истошно закричали, захлопав крыльями. Шум привлек внимание чудовища. В полумраке оно увидело фигуру, которая вызывающе «танцевала» перед ней — это была неприкрытая провокация!

Разумеется, Гу-сова приняла мертвеца за Пинчуаня. В неопишуемой ярости она бросилась в атаку, бешено работая когтями. Путь к отступлению наконец освободился.

Юноша сжался в своем барьере, стараясь стать как можно меньше, и закрепил еще несколько нитей на камнях под потолком, создавая подобие канатной дороги. Труп под его управлением продолжал дергаться, и сколько бы когти ни пронзали его плоть, он казался «неуязвимым». Тварь за этот день видела слишком много странного, поэтому она продолжала терзать тело снова и снова, не понимая, почему противник еще стоит, когда его внутренности уже устилают пол.

Чжань Пинчуань бесшумно пролетел мимо под действием силы тяжести. Глядя сквозь прозрачную сторону щита, он видел, как бедного парня рвут на части. Юноша с чувством вины изобразил крестное знамение и поспешил прочь.

Золотая гу-сова обладала колоссальной силой, но умом не блистала. Лишь когда от человека остались одни ошметки, она заметила тончайшие нити под потолком. Она могла видеть способности врага, но «танцующий» мертвец и темнота притупили ее бдительность. Когда ее желтые глаза проследили за нитями, прозрачный куб был уже далеко.

Издав яростный вопль, птица взмахнула крыльями и бросилась в погоню. Пинчуань понял, что хитрость раскрыта. Он развеял барьер и, используя инерцию от прыжка, со всех ног рванул к железной двери!

На повороте коридора раздался шум. Ланс резко открыл глаза, его сознание мгновенно вернулось в реальность. В следующую секунду из-за угла вылетел Чжань Пинчуань, а за его спиной слышался грохот разрушаемых стен.

Сердце Ланса пропустило удар. Неописуемая радость захлестнула его. Жив! Он жив! Игнорируя мчащуюся следом Гу-сову, Ланс инстинктивно протянул руку навстречу. В следующее мгновение его пальцы переплелись с ладонью Пинчуаня, мокрой от крови и пота. Чудовище было уже в шаге от них. Пинчуань, собрав последние крохи энергии, создал тончайший щит, прикрыл им Ланса и вместе с ним с размаху влетел в дверной проем.

Удар!

Барьер рассыпался искрами, боль в груди стала невыносимой, а изо рта и носа хлынула кровь. Но как только они оказались за порогом, сознание провалилось в бездонную пустоту временного отката.

«362, 363»

Всё подчинено законам. Каждый закон — это подсказка.

Внезапно вспыхнул ослепительный свет, а рев Золотой гу-совы начал затихать вдали. Ланс открыл глаза посреди этой вязкой тишины. Он прижимал к себе израненное, умирающее тело Пинчуаня. Глядя на его руку, всё еще крепко сжимающую его собственную, Ланс удовлетворенно улыбнулся:

— Ты всё-таки пришел за мной.

<http://bllate.org/book/15867/1439049>